

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 147 (3648)

Вторник, 11 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

День поэзии в Симферополе и Минске

В одно из последних воскресений в Симферополе вышла необычная газета. В ней было опубликовано 65 стихотворений, принадлежащих перу нескольких десятков авторов. Здесь и стихи о Родине, и лирические зарисовки, и раздумья о делах житейских, и стихи о любви, эпиграммы, пародии, басни.

Газету выпустили крымские поэты. В сотрудничестве с областным издательством и облисполкомом они преподнесли этот подарок симферопольцам ко Дню поэзии.

В этот день, по примеру других городов, крымские поэты читали покупателям стихи, продавали свои книги, надписывали автографы.

Газета, выпущенная в Симферополе ко Дню поэзии

Много было 9 декабря покупателей в книжных магазинах Минска. Читатели пришли сюда, чтобы встретиться с поэтами, купить новинки белорусской поэзии.

В центральном книжном магазине открыта большая выставка книг белорусских писателей. Здесь свои произведения читали поэты А. Кулешов, А. Заричный, М. Калачинский и Г. Нехай. В книжный магазин № 11 пришли поэты А. Острейко, Э. Огнецвет, Ф. Пестрак, А. Белевич.

Поэты продавали книги, давали автографы, отвечали на вопросы читателей. День поэзии прошел с большим успехом.

Конференция молодых писателей Таджикистана

На днях в Сталинабаде состоялась восьмая республиканская конференция молодых писателей. В столицу республики съехало около ста молодых прозаиков, поэтов, драматургов и кинодраматургов. Они заслушали доклады «Марксистско-ленинского понимания роли личности в истории», «Некоторые проблемы развития советской литературы в свете решений XX съезда КПСС» и цикла лекций по теории литературы. Семинарские занятия были посвящены творческим беседам и разбору произведений участников конференции.

На заключительном заседании, отметив, что работа конференции была в общем плодотворной, молодые авторы высказали ряд критических замечаний. По их мнению, в недостатках конференции следует отметить отсутствие семинаров по критике и литературоведению, по драматургии и кинодраматургии (пьесы и сценарии обсуждались на семинаре прозы). Выступавшие говорили, что работа с молодыми носит кампанейский характер, литературные объединения при республиканских комсомольских газетах вносят жалкое существование. Однако эти тревожные факты не беспокоят ни Союз писателей, ни ЦК комсомола Таджикистана. Молодые писатели, живущие на периферии, месяцами не получают отзывов на свои произведения, посланные в Союз писателей, либо получают отсюда совершенно противоречивые оценки и советы. Участники конференции просили организовать совещания, семинары, консультации непосредственно в районах.

Закрывая конференцию, Ф. Нияз от имени правления Союза писателей Таджикистана обещал учесть замечания и предложения и пожелал молодым писателям успеха в творческой работе.

Е. ЛОПАТНА,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

СТАЛИНАБАД

В ИХ ОТЯГЕ СРАЖАЛАСЬ ЗОЯ

РЕПОРТАЖ

НЕСКОЛЬКО лет назад один бывший фронтовик сказал как-то мне:

— А ведь Борис Крайнов, командир партизанского отряда, в котором служила Зоя Космодемьянская, — наш земляк, прославившийся. Почему бы вам не написать о нем?

Я решил начать сбор материалов о своем земляке. Было известно, что Борис Крайнов погиб в одном из боев, в котором его родители живут в Ярославле, в Суздальском поселке.

Достал адреса всех Крайновых — их оказалось более пятидесяти. После долгих поисков заглянул в небольшой домик на улице Писемского, где я встретил старшего брата Бориса Крайнова и его мать. Подвинула старуха озян обрвавшаяся, узнав, что где-то заинтересовались судьбой ее сына.

Прежде всего нужно было уточнить: тот ли это Борис, которого я ищу. Я попросил показать его письма. Краткие восточки: «Жив и здоров», «Обо мне не беспокойтесь» — ничего не говорили. И вдруг фраза: «Если вы читали о Герое Советского Союза Зое Космодемьянской, так она из моего отряда». Первое подтверждение!

Кто может лучше всего знать о Зое Космодемьянской и ее друзьях, как не самый близкий Зое человек — ее мать! Я написал Л. Т. Космодемьянскую. Вот что она ответила: «С Крайновым Борисом я встречалась на похоронах Зои. Меня познакомили с ним в крематории. Сейчас я представляю его стоящим у гроба Зои. Он мне показался слишком юным для командира отряда. Очень скромным, с голубыми глазами и светлыми волосами. Только военная шинель придавала ему некоторую солидность...»

Голубые глаза и светлые волосы... Да, это Борис Крайнов (в детстве мать его даже называла: «Серебряный мой»).

Борис Крайнов. Снимок сделан до войны

Волжском городе Щербаво я разыскал соратнику Зои — бывшую партизанку Лидию Булгину. Это женщина лет 36, высокая, с волевым лицом. Она много лет работает на Щербаво-лицейской фабрике вторичного сырья. Никто из соседей по цеху даже не подозревает, что Лидия Булгина прошла трудный и славный путь партизанки.

— Я не люблю говорить об этом, — призналась она мне. — Еще подумают, что хочу выделиться себя.

Лидия рассказала, как осенью 1941 года на станции Жаворонки, под Москвой, учились будущие партизаны. 16 октября 1941 года они получили гранаты, личное оружие, сухой паек и двинулись в путь. Только отбегали, как в деревне Шалиново встретили отступающих бойцов. Вскоре оказались немецкие мотоциклисты. Вступить в бой нельзя: у отряда была иная задача. И вот группа в двадцать человек под командой Бориса Крайнова пробиралась болотом в тыл врага. С до-

Коллектив надо сохранить

Ф. ТАУРИН

Густой туман заполнил долину реки и задержал всю стройку плотным белым покрывалом. Сейчас полдень, но бетоновозные самосвалы движутся по эстакаде очень медленно, словно ощутив; свет зажженных фар пробивает туман всего на три-четыре метра. Мощные прожекторы включены на всех портальных кранах, но они бессильны в этой белесой мгле. И машинисту приходится работать вслепую, повиноваться команде, которую подают ему снизу сигнальщика, вооруженная мегафоном. Где-то рядом, совсем близко, гремят звонкие волны Ангары, но реки не видно. За перилами эстакады — непролазная белая стена тумана.

Все это затрудняет строительные и монтажные работы. Тем более, что строителям приходится трудиться на огромной высоте: сейчас сооружаются верхние ярусы здания гидроэлектростанции. Но работы идут. Идут непрерывно.

На строительстве Иркутской ГЭС — горячая предпоследняя пора.

На гребне плотины и трассах отводящего и подводящего каналов, в котловане здания гидроэлектростанции и на сооружении подъездных путей и подсобных предприятий упорно трудились строители все эти годы. Трудными в летний зной и в люющую зимнюю стужу, под злыми ветрами, дующими с ливневых реки в феврале и марте, и под палящими лучами июльского солнца, и под дождями осенними дождями.

С особой радостью ожидают торжественного дня ветераны стройки, люди, начинавшие семь лет назад строительство первой гидроэлектростанции Ангарского каскада, люди, составившие ядро славного коллектива ангарских гидростроителей.

С одним из таких ветеранов стройки, инженером Тимофеем Федоровичем Лепениным, мне пришлось побеседовать на этих днях. Говорили о пуске первого агрегата, о том, что волнует сейчас весь коллектив от начальника до рядового строителя и монтажника.

Волнение коллектива понятно: пуск первой ангарской турбины будет проходить в очень сложных, можно сказать, исключительных условиях. Приближается время листопада. Ангара встает далеко не так мирно, как спокойные равнинные реки европейской части страны. Даже суровый сибирским морозам нелегко сковать

Ангару. К тому же стремительное течение и исключительная чистота воды создают особые условия листопада. Замерзает река не с поверхности, а с dna. Донный лед, всплывая, создает обычную шугу и ведет к образованию затворов. Поэтому на Ангаре очень часты зимние наводнения.

Опасность затворов, могущих повести к катастрофическим последствиям, усугубляется еще и тем, что на Иркутской ГЭС нет водосливной плотины. Весь расход реки приходится пропускать через узкие отверстия водобросов в теле бетонного здания гидроэлектростанции. Даже человеку, не сведущему в гидротехнике, ясно, в каких неблагоприятных условиях придется пускать первые турбины.

Вот об этом и рассказывает Тимофей Федорович Лепенин. Его нельзя назвать замкнутым человеком. Правда, он немногословен. Он привык ценить свое и чужое время и старается отвечать на вопросы возможно короче. Но так как рассказывает он о любимом деле, которому отдал более трех десятков лет жизни, скупые, короткие фразы насыщены глубоким содержанием.

— Важно не опоздать с заполнением водохранилища. Надо успеть поднять уровень до начала образования шуги. Затем надо тщательно следить за ледовой обстановкой на реке и быстро принимать меры. Это не первая трудность, с которой мы встречаемся и преодолеваем.

Тимофей Федорович говорит спокойно и убедительно. Ему можно верить. У него опыт. Его биография — это живая история нашего советского гидротехнического строительства. Десятилетиями строил Волховскую гидроэлектростанцию, инженер Лепенин работал на строительстве Днепростроя, восстанавливал Днепротрест после войны. На строительстве Иркутской ГЭС он с первого дня.

— Вот и еще одна станция на вашем счету, — с уважением говорю я ему. — Да что же вы хмуритесь? Радые ведь?

— Да как вам сказать, — задумчиво отвечает Тимофей Федорович. — Рад, конечно. Нельзя не радоваться. Большое дело для народа сделано. Но только в этой радости и грусти немало.

Я выразил недоумение, тогда Тимофей Федорович пояснил:

— Вблизи день, когда мы пустим первую турбину. Это начало завершающего этапа стройки. И значит... начало конца жизни нашего коллектива. Чаще всего так и бывает. Заканчивается стройка — и распыляется коллектив. Раскомандируют всех в разные стороны. Кого на Енисей, кого на Иртыш, кого на Обь. И нет коллектива. Был — и нет...

Тимофей Федорович помолчал и уже с горячностью, какой я раньше никогда за ним не замечал, продолжил:

— Не дело это, не по-хозяйски! Я молчал. Возразить было нечего, а в подтверждение моих, как я понимал, Тимофей Федорович не нуждался.

ОГРОМНЫЙ СПРОС НА КНИГИ

Горячие дни у директора Челябинского облисполкома, накопилось много неотложных дел, связанных с Всероссийским месячником распространения советской художественной литературы.

Вот заходит директор магазина из Красноармейского района Александр Подкоритов.

— Как торгуете книгами? — спрашивает его директор книготорга С. Заннина.

— Вчера продал книг на 1300 рублей.

Совсем еще недавно этот книжный магазин районного центра был одним из самых заурядных в области. Ютился он в тесной лачужке, и покупатели заходили туда лишь в случае крайней необходимости.

А сейчас он не уступит многим городским магазинам. Райпотребсоюз, взявший книжную торговлю в свои руки, отвел для него большое, хорошее помещение, оборудовал его.

Но вот плохо с доставкой книг, мало их! С. Заннина с горечью вспоминает о 20 контейнерах книг, предназначенных для месячника, которые две недели лежали на станции Шершны, так как

Южно-Уральская дорога не спешила доставить их по назначению. Вообще книги, как правило, приходят даже в Челябинск с большим опозданием.

И это не единственная беда. До сих пор область получает хорошие книги в небольшом количестве. Последний сборник С. Щипачева, например, поступил в Челябинск в количестве... ста экземпляров.

Месячник распространения советской художественной литературы в сельских местностях и на новостройках внес заметное оживление в работу организаций, имеющих отношение к пропаганде книг. Силами членов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний читаются лекции о творчестве выдающихся советских писателей.

— Каждому трудящемуся личную библиотеку — такую цель ставят перед собой энтузиасты месячника.

И эта цель достижима. Челябинск. (Наш корр.)

На снимке: книжный базар на колхозном рынке в Азове.

Фото В. ТУРБИНА

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ И РАБОТАЛ Г. В. ПЛЕХАНОВ

ЛИПЕЦК (Наш корр.). В 25 километрах от областного центра молодой Липецкой области расположилось большое село Плеханово — родина Г. В. Плеханова. В самом Липецке, в доме № 38 на одной из центральных улиц, ныне Плехановской, провёл Плеханов детские и юношеские годы.

В местном краеведческом музее хранятся многие документы и фотографии, отражающие жизнь Г. В. Плеханова. Вот донесение полицейского полковника, сообщившего начальству, что за молодым революционером «наблюдение учреждено строгое». В музее можно видеть фотопортрет писателя Маркса-Эвельдинга К. Плеханова

В краеведческом музее хранится также около 300 книг из личной библиотеки Плеханова. На одной из полок сборник статей Плеханова на немецком языке с автографом Ф. Энгельса.

В связи с юбилеем библиотеки области организовано: выставки произведений Г. В. Плеханова.

В лицейском педагогическом институте будет проведена теоретическая конференция. Сегодня в доме № 38 по Плехановской улице будет установлена мемориальная доска. Трудящиеся города соберутся на митинг, посвященный памяти Плеханова.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). На площади у Казанского собора в декабре 1876 года состоялась массовая революционная демонстрация, на которой, как известно, выступил с речью Г. В. Плеханов.

В память этого события решено установить на площади мемориальную доску со следующей надписью:

«Здесь 6 декабря 1876 г. на первой рабочей демонстрации выступил с речью против самодержавия выдающийся пропагандист марксизма в России Г. В. Плеханов».

Вторая мемориальная доска будет установлена на здании Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в читальном зале которой работал Плеханов.

В научных учреждениях города проводятся сессии и заседания, посвященные столетию со дня рождения Г. В. Плеханова. На днях на заседании ученого совета Публичной библиотеки выступила заведующая отделом Г. В. Плеханова, собиравшая и сохранившая по предложению В. И. Ленина. На конференции-заседании Центрального городского лектория состоялся вечер, на котором кандидат философских наук А. Галактионов прочел лекцию «Г. В. Плеханов и его роль в защите, обосновании и развитии философии марксизма». С большим интересом собравшие слушали выступление профессора В. Десницкого, поделившегося своими воспоминаниями о Плеханове. Научная плехановская сессия открывается сегодня вечером в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Двухдневная научная сессия проводится и в Ленинградском государственном университете. В Доме Плеханова открылась большая выставка книг, брошюр, рукописей из архива и личной библиотеки Г. В. Плеханова.

Могут возразить, что строительство гидроэлектростанций не строительство жилых домов. Каждая гидроэлектростанция — уникальное сооружение: нет двух рек с одинаковыми гидрологическими условиями, как нет и двух одинаковых створов на одной и той же реке. Какой же тут поток?

И все же. При всей стубой индивидуальности гидротехнического решения в каждом отдельном случае, на любой стройке сначала сооружаются подъездные пути, подсобные предприятия, жилые и социальные бытовые учреждения, затем идет возведение основных гидротехнических сооружений и, наконец, производится монтаж гидравлического и энергетического оборудования.

И мощный строительный-монтажный коллектив, приступив к сооружению каскада гидроэлектростанций на данной реке, может вести это строительство последовательно, переходя от одной станции к другой, а иногда даже и одновременно вести работы на двух станциях, завершая одну и начиная другую.

Особенно благоприятны условия для подобной организации строительства на Ангаре — ее огромный каскадом.

И самое главное, при такой системе не понадеятся для каждой стройки создавать и формировать вновь строительный коллектив, затрачивая на это время и значительные средства.

Каждому строительному коллективу будет обеспечена долгая, плодотворная жизнь.

ПАРТИЗАНЫ стали готовиться ко второму походу. Командиром снова был назначен Борис Крайнов, его заместителем — Ярославом Проворовым. Еще тогда Лидия Булгина заметила, что в отряде все парни — ярославцы, а девчата — москвички. Павел Проворов, черноволовский красавец с карими глазами, смеясь, говорил девушкам:

— Держитесь за нас, Мы, ярославцы, — народ крепкий! Все выдержим!

Группа снаряжалась в тыл, в район Верей. Клавдия Милорадова, которая работает сейчас в Москве, рассказывала мне:

— Ребята были одеты в ватные брюки и телогрейки, в валенки летнего цвета. Эти валенки мы в шугу окрестили водонепроницаемыми. Все — и парни, и девчата — были обшиты гранатами, через плечо перекинуты сумки, в них — бутылки с горючей смесью. Наши мешки, кроме продуктов, были набиты толом, минами, термитными шариками и термитными спичками. У ребят винтовки, а у девушек на ремне наганы. Зоя Космодемьянская была одета в коричневое пальто с черным воротником, в сапогах. Головной убор заменял подшлемник — очень теплый, пушистый. Зоя была неразговорчивая и упрямая. Многие советовали ей надеть шинель, но она решительно отказалась: «Не хочу быть мишенью!» В сапогах она мерзла, и Борис учил ее солдатской науке — обращаться с портянками.

Перейти фронт было труднее, чем в первый раз. Группе дали двух про-

водников-разведчиков. Шли гуськом, затылок в затылок. Впереди — Борис, замыкал колонну — Павел. Связкой между разведчиками-проводниками и группой была Вера Волошина — белокурая, стройная сибирячка из Кемерово, московская студентка.

По сигналу Веры группа остановилась. Борис командовал «Ложись!», а сам ушел вперед. Через несколько минут над головами партизан завистели пули. Пронесли раненого проводника. Когда стрельба затихла, Крайнов приказал подняться. Снова шли гуськом, прислушиваясь к каждому шапку. Впереди, разведывая дорогу, находились Вера Волошина и Наташа Самойлович. Рассвет застал партизан далеко от линии фронта.

Наступило утро 18 ноября. Борис выбрал густые заросли молодого ельника, расставил часовых, послал четырех девушек в разведку. Остальные поели усомыютку и легли спать.

Это была первая разведка Зои Космодемьянской. Она шла в паре с Клавдией Милорадовой. Хотя внешне Зоя ничем не выделялась среди подруг, Клавдия запомнила ее по какой-то особой сосредоточенности, стремлению тщательно выполнять первое задание. Девушки обошли лес — повсюду тишина и безлюдье. Когда вернулись, доложили командиру обстановку. Он коротко сказал:

(Окончание на 2-й стр.)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ТЕОРЕТИК ИСКУССТВА

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Рис. А. Яр-Кравченко

ОБЩЕПРИЗНАНО, что до выступления на революционной арене Ленина Плеханов был самым выдающимся учеником Маркса и Энгельса во всем международном рабочем движении. Служа примером великих учителей, он развинул свою деятельность в самых различных областях идеологии. Его перу принадлежат работы по философии, истории, экономике, по вопросам революционного движения, проблем теории и истории литературы и искусства и т. д. Рядом с Плехановым, по широте интересов его теоретических занятий, глубине мысли и блеску изложения, по органичности усвоения метода Маркса, не могут быть поставлены даже такие деятели международного рабочего движения, как Меринг и Лафарг.

Велики заслуги Плеханова перед нашим народом, перед историей нашей страны. Плеханов первый применил теорию Маркса к объяснению русского исторического процесса, нанес тем самым сокрушительный удар по народничеству, в конце концов идеалистическим догмам, хотя они окончательно были разбиты лишь Лениным. Он первый указал на русский рабочий класс как руководящую силу революционного движения. Его книги, положившие начало разработке марксистской философской и революционной теории на русской национально-исторической почве, Ленин назвал первым исповеданием русских социалистов. Об одной из них, самой выдающейся — «К вопросу о развитии материалистической взгляда на историю» — Ленин сказал, что на ней воспиталось целое поколение русских марксистов.

Имя Плеханова как выдающегося ученика и последователя Маркса и Энгельса пользовалось широким международным признанием. Его сочинения переводились на многие языки мира. Среди деятелей революционного движения в славянских странах было немало учеников Плеханова. Плеханов оставил громадное литературное наследие, наиболее ценную часть которого составляют его философские труды. В них, по оценке Ленина, дано лучшее изложение философии марксизма и исторического материализма. Уже после Великой Октябрьской социалистической революции Ленин указывал, что профессора советских высших учебных заведений обязаны излагать философию по Плеханову.

Общественная и литературная деятельность Плеханова продолжалась свыше сорока лет. Вступив на революционный путь восемнадцатилетним юношей в качестве народника, Плеханов в двадцать шесть лет становится на позиции марксизма и в течение двух десятилетий высоко несет его знамя. В 1903 году он примкнул к меньшевикам. Политический оппортунизм Плеханова, приведший его к неверному пониманию революции 1905 года и особенно остро сказавшийся в дни великого Октября, естественно, повлек за собой отход и уклонения от марксизма и в области теории. Однако и в последующие годы он сохранил ряд ценных работ, хотя и не поднимавшихся до уровня лучших его сочинений. Не следует забывать некоторые особенности идеино-политической биографии Плеханова последнего периода. Ленин, жестоко критикуя политический оппортунизм и философские ошибки Плеханова, не раз отмечал в то же время тот факт, что в ряде случаев последний отходил от меньшевиков и вступал в союз с большевиками. В плехановском архиве сохранились некоторые неопубликованные документы, свидетельствующие об этом. Сохранилась незавершенная статья самого Плеханова 1910 года под характерным названием «Плеханов перешел в большевики», в которой он дает достойную отповедь меньшевикам, отгораживаясь от сближения с большевиками. Сохранились письма к Пле-

ханову, датированное маем 1913 года, автор которого от имени большевиков-ленинцев приглашает Плеханова принять участие в праздновании пятидесятилетия Российской социал-демократической партии и просит произнести речь на этом празднике.

1. Важный раздел плехановского литературного наследия составляют его работы по вопросам литературы и искусства. Можно прямо сказать, что после статей Маркса, Энгельса и Ленина, посвященных этим проблемам, статьи Плеханова занимают виднейшее место в марксистской эстетике. Насыщенные большим историко-культурным и художественным материалом, они в своей совокупности затрагивают едва ли не все основные категории эстетики и принципы изучения истории литературы и искусства.

Большой заслугой Плеханова являются обоснование и защита им от нападок реакционной и либерально-народнической критики наследия революционных демократов, в частности и в особенности их эстетики. Плеханов осуществлял эту задачу, исходя из марксистской теории. Поэтому его выступления в области эстетики и критики были новым словом, новой вехой в развитии русской эстетической мысли. Они двигали вперед также и мировую эстетическую мысль. Надо принять во внимание, что в то время, когда появлялись его статьи, большинство высказываний Маркса и Энгельса по вопросам искусства не было еще опубликовано.

Наука об искусстве значительно обогатилась с появлением в печати на рубеже прошлого и нынешнего веков плехановских «Писем без адреса». В них дано марксистское обоснование вопросу о происхождении искусства. В статье «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии», как бы являющейся непосредственным продолжением «Писем», устанавливается, что классовая борьба изменяет не только характер и направление развития искусства, но в известном смысле и его общественную природу и назначение. В обществе, разделенном на классы, искусство, как правило, утрачивает свою непосредственную связь с материальным производством. Но его общественная роль от этого не ослабляется, а еще более возрастает. Оно становится могучим орудием общественной классовой борьбы и только тогда оказывается на высоте своего положения, когда дает правдивую картину ее. А для этого требуется, чтобы искусство так или иначе поддерживало передовые силы общества и опиралось на передовые общественные идеи. Плеханов показал в своих работах невозможность отделения искусства от политики и, в частности, дал восторженную оценку французскому революционному искусству конца XVIII столетия.

Теоретическая разработка вопроса о значении передовых идей для искусства представляет одну из самых блестящих страниц плехановской эстетики. Плеханов не только возродил революционно-демократический принцип идеологии литературы, — он развил его применительно к новым историческим условиям и обосновал с позиций исторического материализма. Сила передовой идеи, доказывал он, определяется тем, в какой мере она способствует общению людей между собой. А эта ее способность, в свою очередь, зависит от того, в каком соотношении со всей нацией находится тот общественный класс, жизненной практикой которого эта идея порождена. Было время, когда идеи западноевропейской буржуазии сплачивали основные слои нации, способствовали общению людских масс, так как их пафосом было отторжение отжившего феодального строя. Потом, после того, как буржуазия на Западе захватила власть, ее идеи утратили указанную способность, ибо теперь буржуазные интересы оказались в решительном противоречии с интересами трудящейся массы. На новом этапе истории идеи пролетариата в наибольшей степени удовлетворяют требованию единения людей, а значит, и являются самыми плодотворными для искусства.

Придавая такое важное значение передовым идеям в художественном творчестве, Плеханов далек был от мысли, что художник достаточно просто усвоить и принять их. Всякое подлинное искусство есть своего рода проповедь, но проповедь эта окажется в полном смысле результативной в том случае, когда художник хорошо раз-

берется «в тех идеях, которые он проповедует», когда они войдут «за его плоть и кровь», дабы «не смущали, не сбивали, не затрудняли его в момент художественного творчества». Когда же «это неприменное условие отсутствует», когда «проповедник не сделался полным господином своих идей... тогда идея творчески воплотируется, тогда она внесет в него холод, утомительность и скуку».

Эстетика Плеханова требует от художника практического участия, в какой бы форме оно ни выражалось, в движении масс за осуществление коренных своих интересов. Немало внимания Плеханов уделял борьбе с теми направлениями в искусстве, которые поставили свою судьбу в зависимость от интересов реакционных классов.

Проблему идеинности искусства Плеханов ставил и решал в органическом единстве с проблемой художественности. Уровень искусства находится в прямой зависимости от особенностей человеческой личности, являющейся предметом художественного изображения, от особенностей представления о ней. Великое искусство отличается постоянным интересом к глубоким и содержательным человеческим характерам, высоким представлениями о человеке и его назначении. Поэтому то великое искусство всегда истинно гуманистично, возвышенно и наполнено богатством переживаний. Так, говоря о знаменитых голландских живописцах, Плеханов замечает, что в их картинах видна человеческая душа; что же касается картин буржуазных художников конца прошлого и начала нынешнего века, то многие из них, по его мнению, лишены всего человеческого.

Еще в последние десятилетия прошлого века Плеханов указал на пролетарское революционное движение как на самый животворный источник развития искусства. Он говорил, что именно пролетарская среда стала порождать наиболее интересные и значительные человеческие характеры. Пролетарское искусство он мыслил как закономерное продолжение лучших достижений мировой культуры.

В изображении человеческой личности, во всей ее целокупности, и проявляется с наибольшей отчетливостью особая, собственная природа искусства. Художник стоит тем выше, чем успешнее решает указанную задачу, и ценность его произведения с течением времени никак не уменьшается. Они оказываются способными жить столетия и тысячелетия, они делают бессмертными.

Тургенев как-то заметил, что «Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года». Он хотел этим сказать, что, тогда как политические идеи временны и преходящи, образы великого искусства вечны и бессмертны именно потому, что они не связаны с политикой. Плеханов не мог согласиться с этим. Для него политика и искусство, как продукты практической и теоретической деятельности человека, — явления одного и того же порядка. Трудность проблемы он видел в следующем: почему, будучи вызвано к жизни интересами того или иного класса, истинное произведение искусства сохраняет все свое значение для других классов, приходящих на смену? Вот тут-то становится очевидным диалектическое единство двусторонней природы искусства. Оно стоит в ряду со всеми другими формами общественного сознания, но выполняет общие всем им функции особым путем, воспроизводя целостный образ человека и общества в давнем-давнем отошли в прошлое. Но образ передового человека той эпохи, запечатленный художественными средствами, сохранил и всегда будет сохранять свое воспитательное и эстетическое значение. То же самое можно было бы сказать о ряде других политических идеалов и о художественных произведениях, возникших на их основе.

Но из этого следует, что эстетическая сущность искусства неотделима от его общественной сущности. Более того, уровень первой находится в явной зависимости от уровня последней.

Исходя из такого понимания природы и назначения искусства, Плеханов выработал соответствующий критерий художественности и представления о задачах и назначении литературной критики. При некоторой непоследовательности и сбивчивости, особенно возросших в статьях последних пятидесяти лет, он защищает этот взгляд, согласно которому достоинства художественного произведения определяются, с одной стороны, степенью его общественной значимости, а с другой, — уровнем художественности. Он всегда напоминал о взаимной зависимости между одним и другим качеством художественного произведения, но отнюдь не отождествлял их. Из этого ясно, какие требования он должен

был предъявлять к критике. С его точки зрения критик только тогда справляется с принятыми на себя обязанностями, когда он способен проникнуть в общественную природу художественного произведения и вместе с тем установить, какими социально-историческими условиями оно порождено и каким общественным целям служит. Если идеалистическая критика в своих суждениях исходит из «вечных законов искусства», то материалистическая звучит «те вечные законы», действием которых обуславливается «историческое развитие искусства. Не отступая ни на моту от научного исследования, критик-материалист открыто проводит точку зрения передового класса. Без этого ему не понять истока общественной борьбы, участником которой он сам является. Следовательно, материалистическая марксистская критика и научна и публицистична одновременно, она «оказывает публицистической» именно постольку, поскольку она является истинно научной».

Плеханов отстаивал последовательный историзм и материализм в изучении литературы и искусства. С этой позицией он подходил к различным школам и направлениям в искусстве. Для XIX века в целом наиболее прогрессивным методом он считал реализм. Реалистическое искусство в наибольшей степени вооружено средствами глубокого раскрытия общественных противоречий и конфликтов, а следовательно, и создания идеала, который может осуществиться на основе разрешения их. В статьях Плеханова дана развернутая характеристика реалистического метода и условий, обеспечивающих его расцвет. Реалистическое искусство там и тогда с успехом развивается, где и когда художник получает возможность проявлять особый интерес к основным общественным противоречиям эпохи и при этом ни мало не боится тех последствий, к которым они могут привести.

2. Под углом зрения становления и развития реализма Плеханов изучал историю русской литературы, а также историко-литературные суждения Белинского и Чернышевского. Плеханов высоко оценивал русскую литературу XVIII века за идеи гуманизма и просвещения, за критическое отношение к самодержавию и крепостничеству. Он отметил прямую связь высокого общественного пафоса и гуманистических идеалов русской литературы XIX века с настроениями крепостного крестьянства. Так, например, он пишет, что Лермонтов как поэт сформировался в тесном общении с «простым людом», хотя семена, брошенные в его душу этим общением, и не получили должного развития. В более счастливом положении оказались Белинский, Герцен и некоторые другие литературные и общественные деятели 40-х годов. Если на долю Лермонтова выпал «стальной жребий нравственного одиночества», то у них нашлись единомышленники, их окружала атмосфера сочувствия. Со стороны идейной и психологической Герцен характеризуется Плехановым, как наследник декабристов и Лермонтова, а со стороны художественных приемов — Гоголем. Тем самым протест Лермонтова и протест Гоголя направлены против крепостничества, обусловлены недовольством крестьянской массы, страдающей от этой безобразной системы. Герцен пошел дальше своих предшественников, в какой-то форме соединив пафос одного и другого: страсть лермонтовского свободолюбия и гоголевское негодование против «гнусной действительности».

Плеханов с одинаковым вниманием относится и к критическому пафосу русской литературы и к проповеди ее революционных идеалов, созданию образов самоотверженных борцов за дело народа. Достаточно здесь вспомнить его оценку книги Радичева «Путешествие из Петербурга в Москву» и романа Чернышевского «Что делать?». О последнем он сказал, что успех, выпавший на его долю, превосходит все, что знала история русской литературы с момента появления печатного станка.

Выдвинув очень важное методологическое положение о возможности отражения народных интересов и настроений писателями, принадлежавшими к дворянству и не порвавшими с ним, Плеханов опирался при этом на особенности их биографии: они с детства встречались лицом к лицу с крепостными людьми и прониклись к ним симпатией. Факт этот сам по себе очень важен. Но не в нем одном дело. Перед писателем-реалистом, в каком бы сословии ни принадлежал он, открывалась Россия, живая громадой страны со всеми ее социальными противоречиями и конфликтами, деятельностью великого народа, угнетенного, но не сломленного, не потерявшего веру в свои силы. Писатель-реалист не может оставаться на позициях реализма, не показывая всей этой картины, с большой или меньшей широтой охвата материала и глубиной освеще-

ния его. На этой почве не могло не возникнуть у него симпатии к народу, хотя бы он и не порывал связей с идеологией господствующего класса.

Плеханов не осветил этой стороны дела. Он лишь эмпирически подошел к выводу о серьезной роли настроений крепостного крестьянства в истории русской культуры. Теоретическое решение этого вопроса мы находим в трудах Ленина. Однако недостатки историко-литературной концепции Плеханова не должны мешать нам оценить ее по достоинству. Между тем даже в самых последних работах о Плеханове этого нет.

3. Наконец, надо сказать о Плеханове как о боевом литературном критике. Его литературный талант и в этой области проявился с полным блеском. В своих литературно-критических выступлениях он дал оценку многим важнейшим литературным явлениям своего времени как в России, так и в странах Западной Европы. Особенно значительны его литературно-критические статьи о писателях, связанных с народническим движением, а также о Некрасове, Толстом, Горьком, Ибсене, Гамсуне и многих других.

Литературно-критические статьи Плеханова глубоко новаторские и по принципам анализа и по форме. При значительном сходстве со статьями Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Писарева его статьи обладают и своими особыми признаками. Это статьи, принадлежащие марксистскому теоретическому искусству. Плеханов вводит в свои статьи о литературе развернутый анализ классовой борьбы в различных формах ее проявления, тогда как революционные демократы только еще находились на пути для такого анализа. В его работах диалектика литературного процесса объясняется всей сложностью диалектики общественно-исторического процесса.

Применяя марксистский метод к изучению литературного процесса, Плеханов выдвигает новые аспекты рассмотрения его, а это обуславливает и своеобразия построения статей. Так, статья о французском искусстве XVIII века дает вместе с тем научную характеристику классовой борьбы во Франции в этот период, в статье же о буржуазном искусстве конца XIX и начала XX века устанавливаются существенные особенности пролетарского освободительного движения.

В поле зрения Плеханова была вся мировая литература на всех этапах ее развития. Правда, само по себе это еще не является его отличительной чертой. О мировой литературе много писали Белинский и Чернышевский, признавая наличие определенных связей между русской литературой и литературами других стран. Связи эти они устанавливали в основном по линии художественного метода. Плеханов шире подходит к вопросу. Для него, разумеется, также остается в силе проблема единства реалистического метода в мировой прогрессивной литературе. Но он связывает вопрос об объединяющих чертах прогрессивной литературы мира с отражением в ней передового общественного движения, которое к концу XIX столетия, с наступлением эпохи империализма, стало **всемирным** по своему характеру, хотя в каждой стране оно и выражалось по-своему.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится несколько интересных рукописей Г. В. Плеханова. В их числе — две статьи, написанные еще в ювенильный период, в 1894—1895 гг., и посвященные Болгарии и болгарской социал-демократической партии.

Как известно, Плеханов с большим интересом относился к нарождавшемуся в Болгарии социал-демократическому движению и к общественной жизни Болгарии вообще. Был даже проект приглашения Плеханова в качестве профессора Софийского университета. В Женеве существовал небольшой кружок болгарских революционеров, считавших себя учениками Плеханова; в состав этого кружка входил Г. И. Бакалов, впоследствии ставший крупным деятелем болгарского революционного движения. В 1893 году Бакалов вернулся в Болгарию и организовал там, в г. Сливен, газету «Рабочники и дружок» («Товарищ рабочий»).

Для первомайского номера этой газеты Плеханов прислал небольшую статью. В ней он приветствовал болгарских революционеров с наступившим праздником международного братства и предостерегал болгарский народ против происков русского самодержавия. Плеханов писал: «Я сам родился в России и горячо люблю эту страну, хотя меня и называют изменником русские жандармы и их единомышленники. Мои силы посвящены народу русскому... Но именно потому, что я люблю Россию и русский народ, я вижу яснее, чем люди, равнодушные ко благу нашей страны, до какой степени интересны русскому правительству противоположные интересы русского народа».

Исходя из этого, Плеханов подчеркивал, «что всякий новый союзник русского правительства есть в то же время новый оплот деспотизма».

В ЦГАЛИ хранятся также и письма Плеханова как в автографах, так и в копиях. Все они относятся уже к более позднему периоду, к 1907—1916 гг., и целиком посвящены вопросам публикации его работ по истории русской литературы и истории русской общественной мысли. В семи письмах 1907—1911 гг. к Н. И. Иорданскому, редактору журнала «Современный мир», Плеха-

нов пишет о публикации своей статьи «Еще о Чернышевском», предлагает написать статью о Белинскому, сообщает, что предполагает дать очерк о миланских музеях. В этих письмах неоднократно проскальзывают сведения о тяжелом материальном положении Плеханова; фраза «находясь теперь в стесненном положении» довольно характерна для этих писем.

34 письма Плеханова в издательство «Мир» за 1909—1916 гг. отражают в основном работу Плеханова над его известной «Историей русской общественной мысли»; эта работа, как видно из письма, захватила Плеханова и потребовала от него большого напряжения сил. По письмам можно проследить весь ход работы. Интересны, в частности, сведения об огромном количестве литературных источников, использованных Плехановым. В письмах 1909 года он просит прислать сочинения Феофана Прокоповича, Болтина, Фоминина, Карамзина, комплекты «Москвитянина» за ряд лет, историко-литературные исследования Шувалова, «Дмитрия Самозванца» и «Выжидания» Булгарина и т. п.

Интересно отметить большую авторскую щепетливость и скромность Плеханова. Так, из писем от 25 ноября 1909 года мы узнаем, что другое издательство — товарищество «Гранат» — предложило ему написать небольшой очерк в 1/2 печатных листа на тему об истории общественной мысли в России. Плеханов счел необходимым довести об этом до сведения издательства «Мир»: «Такая работа явилась бы сокращенным изложением части моей большой Вами издаваемой работы. Спрашивается — имеет ли Вы что-нибудь против этого? Если — да, то откажись издательству «Гранат». И Плеханов, действительно, отказался от этого предложения, хотя, как он сам писал, по его убеждению, никакого ущерба такой очерк не мог нанести монументальной, в несколько десятков печатных листов, его «Истории».

Все хранящиеся в ЦГАЛИ письма Плеханова не опубликованы и ждут еще своего исследователя.

Ю. КРАСОВСКИЙ,
старший научный сотрудник ЦГАЛИ

Встречи с Энгельсом

Печатаемый ниже отрывок из воспоминаний жены и друга Г. В. Плеханова — Розалии Марковны Плехановой взят из ее неопубликованных мемуаров «Моя жизнь». После смерти Р. М. Плехановой (в Париже, в 1949 г.) они были переданы ее дочерью в Ленинград в Дом Плеханова. Осенью 1894 года Г. В. Плеханов жил в Лондоне, где встречал и беседовал с Ф. Энгельсом и с людьми, его окружавшими, помогли ему глубже понять учение К. Маркса.

И. КУРБАТОВА,
сотрудник Дома Плеханова,
находится исторических наук.

Наш глубокий интерес был вызван рассказами Георгия Валентиновича о жизни Веры Засулицы, Сергея Кравчинского и встречах с Энгельсом, Элеонорой Маркс-Эвлинг и некоторыми членами семьи Энгельса. Он (Энгельс. — Ред.) жил тогда вместе с д-ром Фрейбергером и его женой, бывшей Луизой Каутской. Отношение Энгельса к последней было глубоко отеческим. Георгий Валентинович был очарован заботливостью и добротой этого замечательного друга Маркса. Свою отеческую доброту он проявил и по отношению к Вере Ивановне Засулице, всячески заботясь о ее здоровье, о том, чтобы она лучше питалась, направлял д-ра Фрейбергеря послушать ее легкие и лечить, запрашивал Георгия Валентиновича, не нуждается ли она в материальных средствах, готовый из своих средств выделить ей нужное. Об этом (Энгельс. — Ред.) писал и говорил с Георгием Валентиновичем.

Отеческое и любовное отношение (Энгельса. — Ред.) к Элеоноре Маркс удавило и воспитало Георгия Валентиновича, а Элеонора сама произвела глубокое впечатление: умная, образованная, деятельная, она пользовалась большой симпатией в передовых кругах лондонской интеллигенции, а в рабочих кругах она была обожаема. Георгий Валентинович рассказывал о том, как Элеонора во время стачки доверов с женщинами из «армии спасения» спускалась, несмотря на опасность, в глубокие приморские трущобы, чтобы поддержать стачечников своим примером, утешить их, пищащими продуктами, одеждой, узнать об их положении и нуждах. Вынужденно пребывая... в Лондоне, несмотря на климат, сырой и холодный, сильно поднялся дух Георгия Валентиновича. Разговоры с Энгельсом о вопросах теории и практики марксизма оставили неизгладимые следы в душе Плеханова, а как мы узнали от Веры Ивановны, и Георгий Валентинович произвел крайне благоприятное впечатление своим умом, разносторонними знаниями на учителя. К этому времени относится сказанное Энгельсом ему (Плеханову. — Ред.) и близким: «Я знаю двух только человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Меринг и Плеханов».

В произведениях писателей различных стран Плеханов искал отражения процессов, наиболее существенных для всей международной жизни. Даже статьи, построенные на материале далекого прошлого, он ставил на службу современности, делал из них выводы, имеющие прямое отношение к вопросам текущего времени. Тем более это относится к статьям, написанным по поводу появлявшихся тогда художественных произведений. Так, по поводу романа немецкого писателя В. фон Поленца «Крестьянин» Плеханов писал, что в нем показаны важные сдвиги в жизни крестьянской массы — крушение всех ее прежних устоев, а с другой стороны, критику отмечал намечавшуюся в романе перспективу единения крестьян с рабочим классом и борьбу за освобождение от гнета и рабства. Роман немецкого писателя Плеханов сопоставляет с произведениями русского писателя Г. Успенского и находит, что оба писателя изображают один и тот же процесс.

Внимательно следя за развитием всей мировой литературы, Плеханов ставил перед собой и такую цель, как усвоение общих закономерностей ее развития в новых социально-исторических условиях. Его особенно интересовали такие проблемы, как связь между идеинностью и художественностью, отношение художника к передовому общественному движению и влияние передовых идей на художественное творчество, как проблема известной зависимости уровня художественности от особенностей изображаемых человеческих характеров и т. д. Со всей силой эти вопросы поставлены в замечательной статье об Ибсене.

Работы Плеханова по вопросам литературы и искусства сыграли немаловажную роль в период становления советского литературоведения. Потом — и это продолжалось около четверти века — она почти полностью выпала из нашего обихода. Нет никакого сомнения в том, что новое, подлинно творческое обращение к ним поможет решению сложных задач, стоящих перед нашей литературоведением и критикой.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится несколько интересных рукописей Г. В. Плеханова. В их числе — две статьи, написанные еще в ювенильный период, в 1894—1895 гг., и посвященные Болгарии и болгарской социал-демократической партии.

Как известно, Плеханов с большим интересом относился к нарождавшемуся в Болгарии социал-демократическому движению и к общественной жизни Болгарии вообще. Был даже проект приглашения Плеханова в качестве профессора Софийского университета. В Женеве существовал небольшой кружок болгарских революционеров, считавших себя учениками Плеханова; в состав этого кружка входил Г. И. Бакалов, впоследствии ставший крупным деятелем болгарского революционного движения. В 1893 году Бакалов вернулся в Болгарию и организовал там, в г. Сливен, газету «Рабочники и дружок» («Товарищ рабочий»).

Для первомайского номера этой газеты Плеханов прислал небольшую статью. В ней он приветствовал болгарских революционеров с наступившим праздником международного братства и предостерегал болгарский народ против происков русского самодержавия. Плеханов писал: «Я сам родился в России и горячо люблю эту страну, хотя меня и называют изменником русские жандармы и их единомышленники. Мои силы посвящены народу русскому... Но именно потому, что я люблю Россию и русский народ, я вижу яснее, чем люди, равнодушные ко благу нашей страны, до какой степени интересны русскому правительству противоположные интересы русского народа».

Исходя из этого, Плеханов подчеркивал, «что всякий новый союзник русского правительства есть в то же время новый оплот деспотизма».

В ЦГАЛИ хранятся также и письма Плеханова как в автографах, так и в копиях. Все они относятся уже к более позднему периоду, к 1907—1916 гг., и целиком посвящены вопросам публикации его работ по истории русской литературы и истории русской общественной мысли. В семи письмах 1907—1911 гг. к Н. И. Иорданскому, редактору журнала «Современный мир», Плеха-

В ИХ ОТРЯДЕ СРАЖАЛАСЬ ЗОЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Спасибо, закуте — и спать! Партизаны злые днем и ночью, оставались только на короткое привале. Клава Милорадова рассказывает о Крайнове:

— Когда он спал, не знаю! Когда я засыпала, он что-то проверял по компасу, по карте. Не будил — он стоял уже наготове и ждал, когда мы выстроимся.

...Страшные морозы и бессонные ночи не сломали волю молодых партизан. Дисциплина была строгая, но сознательная, комсомольская. Войнов мучила жажда: воды достать нелегко. Земля чуть припорошена снегом, ручейки замерзли. В одном месте сумели выкопать яму и проложить в ручье и наполнили холодной горьковатой водой.

ТРЕТЬИ СУТКИ были партизаны в тылу у врага, но ничего еще не успели сделать. Партизанская судьба обманчива: стремишься иногда пой-

Ночь. Деревня далеко. Партизаны вышли из леса и хотели перейти поляну. Здесь их ждала засада. Когда вырвались на бугор, кругом со всех сторон началась стрельба. Борис вполголоса крикнул: «Перебежкой, за мной!». Клава и Зоя бежали следом за командиром. Поляна казалась бесконечной. Когда добрались до леса, не досчитали десяти человек: иные погибли, иные ушли в другую сторону. Не стало больше Веры Волошиной, всегда шедшей впереди отряда.

К ночи заболел Павел Проворов — распухло горло, поднялась температура, но он не подавал виду. Впереди группы теперь шли Клава Милорадова и Зоя Космодемьянская. Каждый раз после привала Борис подзывал их, доставал карту, намечал ориентиры.

Группа двинулась к Петрищеву. Лида Булгина вспоминает:

— Сухари в мешке перемешались с толком и стали горькими. Греться у костров, многие прожгли шинели. «Боднепроникаемые» валенки развали-

лись ни слова, только ненависть кипела в сердцах.

Гитлеровцы искали партизан, которые мешали их натиску на советскую столицу. Много таких групп, как группа Крайнова, скрывалось в лесах Подмосковья, наносил удары по врагу.

В СКОРЕ отряд получил особое задание. Из ближайших к фронту деревень немцы угнали все население и расположили там свои боевые части. Партизаны должны были пожарами ориентировать нашу авиацию на эти части.

В селе Петрищеве, по слухам, находились крупные штабы. Туда и спешили комсомольцы. Но путь их был нелегким. Из разведки не вернулись Клава Милорадова и Лида Булгина: им пришлось уйти в сторону и одним пробираться к своим.

На боевые задания Борис Крайнов посылал только парней. Однако Зоя все время настойчиво требовала «настоящего дела». В ночь с 27 на 28 ноября Зоя подожгла конюшню, а Борис — дом, где размещались немецкие солдаты. Борису пришлось отходить одному. Зою ждали три дня. Отряд без нее продолжал рейд по тылам врага. Партизаны не знали, какие муки испытала Зоя в эти дни...

Борис Крайнов, Павел Проворов, Клава Милорадова и другие еще даже

ходили на задание — в район Рузы и в Кармановский район Смоленской области. Была суровая зима. Партизаны продвигались на лыжах. Под селением Пустой Вторинской группа попала в засаду. Чтобы отвлечь внимание противника и дать бойцам выйти из ловушки, Павел Проворов на виду у немцев ушел в другую сторону и вызвал огонь на себя. Так погиб этот черноволосый прославский парень, воспитанный в детском доме.

Борис Крайнов еще долго воевал в партизанских отрядах. В 1942 году он руководил специальной разведывательной группой в тылу врага в районе Полоцка — Витебска — Невеля. Он погиб под Ленинградом 5 марта 1943 года.

Его бывший заместитель Г. Курбатов пишет мне: «Этот человек всегда вызывал у меня безмерное восхищение и гордость — патриотом. До боли обидно, что такой яркий человек, как Борис Крайнов, его жизнь, его действия в трудных условиях вражеского тыла остались известными только небольшому кругу товарищей по оружию».

Именно эти слова помогли мне вести розыскные материалы, идти по забытому партизанскому следу. Но сделаны мною только первые шаги...

ЯРОСЛАВ

ПРЕДСТАВЬТЕ себе объемистое повествование, цель которого — показать жизнь одной семьи на протяжении трех с половиной десятилетий, «причем не в форме романа, а в форме документальной повести», форме «повести-очерка». Так определяет в предисловии к

винто «Дорога сильных» свою задачу сам автор Эгон Раннет. «Работа над книгой», — пишет он, — «я старался избежать прямого, исключающего всякий отбор фотографирования явлений жизни, искал возможностей для художественного обобщения, для типизации...». И в следующем абзаце: «...сама история семьи Пильбаумов, в известные периоды на редкость яркая и колоритная, заставляла меня как можно точнее описывать все значительное и важное».

Все правильно! Но тут-то у меня и начинается спор с книгой. Я читаю ее и по минуте спрашиваю себя: действительно ли автор использовал возможности для типизации и обобщений, которые предоставлял ему обширный материал, можно ли считать, что у двух сестер Пильбаум Хильды и Маньи и их брате Яне рассказано самое необходимое, самое значительное и важное?

Конечно, перед Эгоном Раннетом стояли очень большие трудности, обусловленные хронологическими рамками повествования и обилием событий, которые пришлось на этот период истории эстонского народа, события, так или иначе повлиявшие на судьбы героев (рецензируемая книга охватывает годы 1913—1949). Но эти трудности обманывали автора не только в тщательному и выискиванию отбору наиболее содержательных явлений и фактов из жизни Пильбаумов, но и в раскрытии содержания их характеров. Потому что иначе ни о каком обобщении, ни о какой типизации говорить не приходится. Какая же может быть типизация вне характера?

Но, к сожалению, перед нами не столько биографические сведения, сколько биографические сведения, как таковые. Быть может, это прозвучит странно, но типические характеры заслонены от нас хронологией, изложением обстоятельств. Мы почти не находим здесь того, что Горький называл «психологией факта», книга с самого начала развивается под знаком иллюстративного описательства, и чем дальше, тем это становится очевиднее. Вот, к примеру, рассказывается о том, как учитель проводит урок в только что созданной советской школе:

— Сумеете ли вы мне ответить, дети: за эти два месяца, что мы живем без баронов, стала наша жизнь лучше или хуже, чем была?

— Лучше, гораздо лучше, — тотчас же отвечает дети.

В таком духе элементарного комментирования истории развертывается все повествование Эгона Раннета. Эстония оккупирована войсками кайзера. Вернулись на свои места бежавшие бароны. Расправы, белый террор, гражданская война, интереснейший приход в власть буржуазии — все это так или иначе отражено в книге, либо в виде справок, либо в виде непроизвольных выходов, либо в виде непроизвольных выходов. Так, едва ли не в 50 страниц Эгон Раннет уложил семь лет жизни своих героев, не столько, впрочем, рассказав об их детстве, сколько переживая в беллетристическую форму несколько глав из школьного учебника истории.

Но вот семья Пильбаумов после долгих скитаний обосновалась в Уева, на мызе барона фон Майделя. Быть может, теперь, когда герои вступили в пору юности, а затем стали взрослыми, автор уделит больше внимания их характерам? К сожалению, поверхностно-иллюстративный принцип изложения материала твердо подчинил себе автора. А места так мало... Ведь следующие пятьдесят страниц книги (до конца первой части) вместили еще двадцать лет жизни героев.

Значит, чем-то надо поступиться. Чем же — внешними обстоятельствами или чувствами, мыслями, переживаниями героев, особенностями их душевного склада, их отношением к явлениям действительности? К сожалению, Эгон Раннет жертвует именно человеческим содержанием каждого образа во имя конспективной полноты бездельного жизнеописания. Между делом, неожиданно для читателя выясняется, что Хильда уже замужем. А вот уже и Манья вышла замуж. Между прочим, мы узнаем о том, что делает Ян. Но что со собой представляют к этому времени Хильда, Манья и Ян как личности, какие превращения претерпели их сознание под влиянием событий, уснуть трудно. Эпизодически сменяются эпизодом, мелькают сцены, нахлываются факты и сведения, а внут-

Эгон Раннет. «Дорога сильных». Перевод эстонского Э. Мелло. Эстонское государственное издательство. Таллин, 1956. 397 стр.

ренного роста характеров, их становления, их развития не улавливаем. Индивидуальность героев явно принесена в жертву социально-историческому фону. Свадьбы, рождения, смерти, разлуки, радости, печали, любовь, ненависть — все это присутствует в книге лишь постольку, поскольку может служить материалом, подтверждающим общую, заранее заданную схему. Автор не проследивает судьбы характеров, обходит человеческий мир своих героев. И это сказывается во всем: в игнорировании особенностей прямой речи персонажей, в равнодушном описании драматических ситуаций, которые действительно должны были сказаться на формировании характеров героев.

Еще очевиднее эта тенденция проявилась во второй части книги, посвященной военным годам, начиная от падения фашистской диктатуры Пятса и кончая освобождением Эстонской ССР от гитлеровских оккупантов. Правда, здесь, как и в первой части, автору, по крайней мере, нельзя отказать в динамике. Социальная борьба, столкновение классовых сил, противоборство народа угнетателям всех мастей — все это сообщает повествованию Эгона Раннета напряжение и пробуждает читательский интерес к тому, как складываются в эстонской деревне человеческие судьбы.

Но вот мы переходим к третьей части, которая занимает половину книги и посвящена дальнейшей судьбе Хильды Пильбаум на протяжении пяти лет ее жизни в Уеваском животноводческом совхозе, созданном на базе бывшего баронского хозяйства. Ее брат Ян, вернувшийся после демобилизации из Советской Армии к своим обязанностям председателя волосткома, и

Ю. БОНДАРЬ

в Большом двухтомном романе Ивана Курчавова под многозначительным заголовком «Московское время» рассказывает о разломе старой буржуазной Эстонии, о создании Эстонии советской, социалистической, о начале войны, о столкновении двух миров — социализма и капитализма.

В сюжетном центре повествования — семья таллинского рабочего Яана Киндлуса, судьбы его детей — Линды, Арнольда, Марет, Майта. Писатель связывает семью Киндлусов с семьей старого рабочего-революционера Петра Метса, прямо или косвенно сталкивает Киндлусов с высшим светом буржуазной Эстонии — с семьей редактора реакционной газеты Карла Аваляда. Вокруг этих семей группируется множество других персонажей книги — рабочие и работницы таллинских заводов, эстонские журналисты и представители иностранных газет, иностранные разведчики и высшая власть буржуазной Эстонии, командиры и солдаты Советской Армии. Действие происходит в и в цехах таллинских заводов и фабрик, и в клинике профессора Филатова в Одессе, и в лесах, где действуют эстонские белобандиты, и в Москве, и на передовой линии фронта. Совершенно очевидно, что автор пытался создать произведение многоплановое, широкое, в котором хотел отобразить стан друзей и стан врагов.

Но «хотел» — это еще далеко не «смог».

В романе Курчавова достоинство ощущается приглушенными недостатками, неудачи явно преобладают над хорошими. Мне кажется, что основной недостаток романа состоит в том, что автор пошел по пути иллюстративности в описаниях характеров, а не по пути глубокой художественной разработки каждого персонажа. Поэтому многие действующие лица малоразвитыми, а конфликты выглядят легко разрешимыми. Герои и события лишь иллюстрируют мысли автора.

В самом деле, старый рабочий Киндлус, один из главных героев романа, проходит через серьезные испытания — бедность, тюрьму, разрыв с сыном Майтом, но автор ведет своего героя по этому мученическому, не показывая, как испытания и невзгоды отразились на характере старика. Очевидно, должен быть переломный момент, когда что-то бесповоротно изменится в душе Киндлуса: так жить нельзя, надо идти на борьбу — это единственный выход! Именно такого момента и нет в развитии характера Киндлуса. Поэтому все, что делает он после установления в Эстонии советской власти, несколько выглядит малоубедительным: Киндлус, старый, сомневающийся, недоверчивый, привыкший все подолгу обдумывать, мгновенно становится и рачио-

Иван Курчавов. «Московское время». Роман. Книжки 1-я и 2-я. Эстонское государственное издательство. Таллин, 1956.

Эпическая тема в очерковом решении

Б. РУНИН

ее сестра Манья, побывавшая в фашистском застенке и потерявшая мужа, казненного гитлеровскими прихвостнями, отходит на второй, даже на третий план. Хильда становится здесь главной героиней книги.

Что же, может быть, теперь автор раскроет нам во всей полноте этот образ? Но этого не происходит, а напряжение книги падает. Правда, всю третью часть «Дороги сильных» можно рассматривать, как очерк о делах и днях Уеваского совхоза. Но весь и очерк очерку рознь, тем более, что речь идет почти о двухстах страницах книжного текста. В совхозе работали люди различного социального и профессионального опыта, различных устремлений, навыков и взглядов, различного уровня политической сознательности. Да и вся обстановка в послевоенной эстонской деревне была не так уж проста и безоблачна. Но из повествования Эгона Раннета вы почти не узнаете себе тех субъективных и объективных трудностей, которые стояли на пути социального переустройства эстонской деревни, не оцугите всей сложности человеческих чувств, которые порождены новыми производственными отношениями.

Стремление смягчить драматизм жизни сказывается тут во всем. Вот пример. Из брошенного вольнолюбивого замечания мы узнаем, что у Хильды, оказывается, есть сын Аууст и что на юности во время оккупации гитлеровцы напали на военную форму. Насильно, конечно. Как бы там ни было, после освобождения Эстонии он оказался в

лагере. Огромная трагедия матери, тающая за этой справкой, так и не получает своего душевного выявления. Об этом говорится невзначай, как о легком недоразумении.

В эстонской литературе очень сильны традиции развернутого социально-нашего повествования в форме семейной хроники, охватывающей несколько исторических этапов жизни народа. Достаточно напомнить о романе «Правда и право» А. Таммсааре, если говорить о классике, или о романе «Берег ветров» Ауду Хинта, если говорить о современных писателях. Книгу Эгона Раннета отличает от упомянутых произведений то, что отличает наглядное пособие от картины художника.

Я верю, что автора «Дороги сильных» вдохновило на его труд величие народной жизни, открывшейся ему через историю семьи Пильбаумов, рядовых труженников эстонской деревни. Но в эстетической теме он подошел с позиции эмпирической хроникальности. Отсюда и неудача, которая постигла Эгона Раннета, о чем ему следует сказать со всей прямотой и определенностью, как бы ни была горька для него эта правда. Так будет правильнее, тем более, что Эгон Раннет написал свою книгу четыре года назад и с тех пор много осмыслил, как художник, заново, о чем свидетельствует его недавно написанная пьеса «Советы». Будем надеяться, что он сумеет преодолеть заблуждения нашего литературного прошлого, такие, как бесконфликтность, ложное понимание типического и искусственное деление человеческого бытия на две обособленные сферы — личных и общественных отношений. Ведь именно об этих грехах нам вдруг опять напомнила «Дорога сильных».

Схема, схема, схема...

Ю. БОНДАРЬ

прямехонью идет в Совнарком жаловаться и получает назначение мастером в ремесленное училище.

Там, где описывается социалистическая Эстония, автор снимает все противоречия и показывает людей в тотчас возникшем новом качестве. Старый Киндлус помолодел, опустившийся газетчик Магнус перестал пить и пишет книгу «Новые веяния». Младшей дочери Киндлуса Марет, которая в свое время вынуждена была оставить гимназию и пойти в судомойню, присылают письмо, в котором напоминается о том, что ей необходимо кончить одиннадцатый класс и поступить в институт.

Все это хорошо, все это, вероятно, так и было, но в книге-то все происходит так, как по мановению волшебной палочки. Нет борьбы, нет усилий, нет противоречий, в то время как автор сам же говорит, что на некоторые важные события были ошибочно назначены враги эстонского народа.

Дело художника — не иллюстрировать и не воспроизведение факта, как таковое, его дело — образное исследование причин факта: например, очень важно показать, что именно из людей подумал о судьбе Марет и почему именно о ней, ведь таких, как она, много. Сказать о хорошем, светлом, что облагораживает, очищает и приподнимает душу свободного человека, — большая задача писателя. Но говорить об этом надо тонко, используя все средства художественной прозы.

Густая иллюстративность и однообразный гротескный штамм ярко отпечатывались и на образах врагов: это или глупый и злой офицер, не разбирающийся в обстановке, но только истерически шипит, или председатель буржуазного суда, иступленно рвущий бумагу и голосом, бессильным от ярости и глупа, объявляющий приговор. Это — глупая буржуазная хищница Астрид Аваляд с жадными толстыми губами и похотливыми глазами.

Когда автор отходит от канонических шаблонов, он достигает успеха. Образ заклятого врага трудового народа Карла Аваляда написан реалистично. Казалось бы, автор не заостряет внимания на внешности этого человека — обычная, не карнавальная внешность, но какой умный матерый враг проглядывает сквозь эту заурядную внешность, какой жестокий красавец, человек без родины, готовый служить кому угодно, лишь бы сохранил прежнее, уходящее влияние, деньги, власть. Тут автор достигает своего — он воспитывает ненависть к авальдам.

Читая роман, видишь, какой большой, старательный накопленный материал привлек И. Курчавов, как он стремился к широкому охвату событий и человеческих судеб. И, очевидно, он достиг бы успеха, если бы не был в плену иллюстративности.

русских друзей. Образ Ленина, неиром присутствующая в фильме, одухотворяет действия и поступки героев. Центральная фигура, рассказавшего о важном этапе в истории чехословацкого народа, не только в том, что он правдиво воспроизвел историю, но и близок и созвучен нашему времени. Это глубоко партийное произведение, которое борется за чистоту и принципиальность коммунистов, показывает, какими тесными узами связаны с народом его верные сыны.

А. АЛОВ

В борьбе за человека

С режиссером Иржи Крейчицом, поставившим фильм «Советы», советский зритель уже знаком. На третьем кинофестивале чехословацких фильмов в нашей стране демонстрировалась его картина «Фрону» — о важных процессах, происходивших в чехословацкой деревне. Раскрывались они через судьбу простой чешской женщины, которая из забытой крестьянки выросла в нового, свободного человека. Главное, что привлекало во «Фроне», — это глубокое проникновение во внутренний мир людей, тонкое понимание человеческой психологии, всей

му нас внимательно следить за малейшими душевными движениями героев. Но вряд ли этот фильм так увлек нас, если бы за правдой человеческих чувств в нем со всей силой не прозвучала важная гуманистическая тема — тема борьбы за человека, честного и смелого, прямого в своих мыслях и поступках.

Сложно картины очень прост: человек совершил преступление, свидетель не был, и казалось, он в безопасности, никто его ни в чем не заподозрит. Но внутреннее нравственное чувство начинает его мучить, ему все трудней и трудней становится жить, смотреть в глаза людям, воспитывать сына... Оказывается, что в человеке есть сила, побеждающая страх ничтоги, голода, репрессий, — это совесть.

С большим мастерством показаны в фильме душевные муки Долеяла (арт. Милош Недбал), ставшего невольным убийцей мальчика. Все средства художественной образности направлены на то, чтобы показать наиболее точно движения человеческих чувств, муки совести. Режиссер помогает актеру найти необходимые для этого детали: вот Долеяла впервые после казни в зеркале и испугался

Долгий и славный путь

ПРИ имени Н. Телешова нам тотчас же вспоминаются замечательные «Записки писателя» и в памяти возникают картины общественно-литературной жизни предвоенных лет, образы русских писателей, живо воссозданные их современником. Николай Дмитриевич Телешов — соучастник большого периода русской литературы, возглавляемого Чеховым и Горьким. На его глазах начинала свою литературную деятельность Бунин, Куприн, Андреев. Он был организатором знаменитых «Сред» — кружка писателей, сыгравшего большую роль в объединении реалистических сил русской литературы. Вышедшая впервые в 1943 году, книга мемуаров «Записки писателя» тепло была встречена всеми, кому дорога память о лучших представителях русской литературы. С тех пор эта книга не раз переиздавалась, пополняясь новыми сведениями и фактами, а теперь включена в трехтомник избранных сочинений писателя, недавно вышедших в свет.

Но автор воспоминаний о прошлом является и крупным художником. Собранные в трехтомнике рассказы и повести позволяют представить себе творческий путь писателя, талант которого в свое время высоко ценили Чехов и Горький.

Первый рассказ, вошедший в «Избранные сочинения» Н. Телешова, датирован 1888 годом, последние воспоминания относятся уже к 1956 году. Спокойно и сдержанно вводит в себя этот исторический промежуток, сколько событий! И как бы неся в себе излучение различных эпох, произведения Телешова создают ощущение удивительной цельности. Эта цельность исходит из пафоса человечности, гуманизма, который всегда оупушал писателя и который проникает все его творчество. В тяжелые времена восемнадцатых годов, и в период после поражения революции 1905 года Телешов оставался верным гуманистическому духу русской литературы, ее реалистическому знамени.

Лучше из литературного наследия Н. Телешова дереволупонных лет — циклы рассказов «Переселенцы» и «По Сибири» — и теперь волнует силу своей художественной правды. Написанные в результате поездки писателя по Сибири, где он столкнулся со страшной жизнью переселенцев, эти рассказы явились обобщением безмерности народного горя и страдания. Кажется, вопль народного бедствия застыл в строках рассказов. Притаившихся за тысячи верст крестьян ожидает в хлябной Сибири голодная смерть. В рассказе «Нужда» показана погрузка крестьянских семей на баржи, отпавляющие в обратный путь. Язык рассказа сдержанный, авторская субъективность максимально устранена, но тем сильнее по контрасту ощущается трагедия людей, обреченных на смерть на чужбине, готовых передать друг друга, лишь бы не остаться на берегу. Безысходная нужда и отчаяние вытравляют в крестьянских переселенцах даже родственные чувства (рассказ «Лишний рот»). Драматичность изображения народных бедствий усиливается от того, что писатель показывает детей очевидцами и жертвами этих ужасов. Присутствие бездомных маленьких фигур, покороно стбигающихся под тяжестью жизненных невзгод, придает какую-то щемящую грусть всему циклу рассказов о переселенцах. Выступая заступником народа, Телешов продолжал благородное дело лучших русских писателей, вышедших в защиту народа от всех форм угнетения своей святой гражданский долг.

Но как ни скорбны «переселенческие» рассказы Телешова, они в конечном счете не оставляют у читателя чувства безнадежности. Сочувствие к народу не ограничивает у писателя с жалостью к нему. Он знает, что духовные силы народа велики, никогда не скудеющая на доброту и отзывчивость народная душа вызывает восхищение писателя. С большой симпатией изображен в рассказе «Елка Митрича» сторож переселенческого барака, на последние свои гроши устраивающий елку для детей-сирот.

В цикле рассказов «По Сибири» безграничность сибирских просторов, суровая красота пейзажей, мужество людей являются как бы залогом громадного величия Родины. Веря в родной народ постоянно сопоставляла писателю. В рассказе «Между двух берегов», написанном в 1903 году, есть восторженные слова о России, которые произносит иностранец: «Сколько у вас всюду и всяких самородков: то глыба магнита, то медь, то самородок золота чуть не в обхват, а то самородки —

Н. Телешов. «Избранные сочинения» в трех томах. Государственное издательство художественной литературы, 1956.

люди, один другого интереснее, один другого значительнее — мечтатели, мыслители, поэты, изобретатели, и все это, все они от земли, от корней самого народа!.. Да, страна ваша покажет в будущем всем небывалый пример!»

И естественно, что писатель, мечтавший о новой, преобразованной жизни, не укрылся в затише, когда над страной разразилась революционная буря. Написанные им рассказы «Петля» и «Крамолда» были горячим откликом на 1905 год.

Писателем-гражданином, чутко откликающимся на события, всегда был и поныне остается Н. Телешов, старейший наш писатель, которому в этом году исполнилось 89 лет. За каждой строкой всего написанного им чувствуется большая и добрая душа писателя, пристально глядящего в жизнь народа, озабоченного его судьбой. И когда закрываешь последнюю страницу его книг, мудрых в своей простоте, лишенных малейшего признака литературной условности, то с благодарностью думаешь о большой жизни, отдающей на радость людям.

Необычайная скромность и сердечность отличают писательский облик Телешова. Его литературной манере не свойственны яркость и резкость красок, какая-либо гиперболичность. Все просто, слова самые обычные и тон рассказа чрезвычайно скромный, и вместе с тем подлинная поэзия захватывает читателя. Так волнует каждого, умеющего видеть, скрытая, невидная красота стенового пейзажа. Именно потому, что писатель прежде всего озабочен тем, как бы донести до читателя мысль, которую он изложил, самые обычные слова начинают как бы по-новому светиться, приобретают силу властного эмоционального воздействия.

Нали молодые писатели, и не только молодые, могут поучиться у Телешова экономии изобразительных средств. Его короткие рассказы замечательны своей художественной емкостью. Всего четыре страницы занимает рассказ «Дуэль». В старухе-матери приходит товарищ ее сына, чтобы сообщить страшную весть: ее сын убит на дуэли. Растерянность молодого человека, не находящего в себе сил выговорить страшные слова, резко контрастирует, создавая драматичность, с каким-то умиротворением ничего не подозревающей старухи, как бы светящейся изнутри материнской любовью, думającej вслух о сыне. Не в силах вынести больше душевной боли, она и не решившись сказать правду, «скрытая свое лицо», молодой человек почти улетает из дому, а старуха вскоре «забылась в мечтах о своем близком счастье, которое казалось ей ненарушимым и полным». Трагедия матери остается за пределами рассказа, но писатель дает, так сказать, психологическую перспективу, заставляя нас домыслить дальнейшее, и здесь устанавливается тот контакт между писателем и читателем, который является верным признаком истинной художественности.

Н. Телешов — мастер пейзажа, отличающегося свежестью, большой выразительностью. Вот экспрессивное описание грозы, в котором запечатлены остро увиденные мгновения. «Небесная синева пропадала, встречный ветер пробегал похижу, крутя столбом придорожную пыль; в воздухе посвежелось. Вспыхнула снова молния, сперва бледная и широкая, потом сразу метнулась она огненной линией в самую середину тучи и прорвала ее с треском и грохотом, и еще раз прорезала — и всю изорвала в мелкие клочки. Эти черные клочки сейчас же погребели, растаяли, смешались с пробегавшими облаками и сплошь окутали небо...» (рассказ «Самородки»).

Роль пейзажа исключительно действенная в произведениях Телешова, выступающая всегда в соотнесении с душевным состоянием персонажа, являясь как бы лирическим подтекстом изображаемого. Акварельная прозрачность пейзажей Подвисловская сменяется ступенчатой живописностью пейзажей сибирских просторов. В своем обобщающем содержании пейзаж предстает как поэтическая картина родной земли, ее красоты и величия.

Н. Д. Телешов сам скромно назвал себя работником русской литературы. Много и плодотворно поработал в русской литературе писатель, снискав своим трудом уважение и признательность народа.

М. ЛОБАНОВ

Кадр из кинофильма «Зарево над Кладно»

Фильмы наших друзей

Страницы истории

У новой чехословацкой кинематографии есть уже своя славная традиция. Ее мастерами за последние годы созданы крупные историко-революционные фильмы, по праву завоевавшие любовь и уважение прогрессивного зрителя во всем мире. С интересом встретит он и новый фильм «Зарево над Кладно», созданный режиссером Владимиром Влчekom по широкому известному в нашей стране роману Антонина Запотоцкого.

«Зарево над Кладно» относится к бесспорным достижениям чехословацкого искусства; его значение тем более велико, что здесь киномастера Чехословакии продемонстрировали способность глубоко решать серьезные идейно-политические задачи. Фильм этот — полностью социальное повествование о выдающихся революционных событиях в жизни страны. Естественно, что было трудно перенести в кинокадру многочисленные и важные события, о которых так подробно рассказано в романе, и в этом отношении не все в равной степени удалось по-

становщику. Но В. Влчек одержал победу в самом главном — он убедительно передал в фильме, как выковывались профессиональные революционеры, как в борьбе с правыми социал-демократическими лидерами мужало и крепло сознание рабочего класса, как невозможным ходом исторического развития подготавливалось создание в Чехословакии партии коммунистов. Особенно значительная сцена, изображающая заседание съезда представителей революционного крыла социал-демократии, на котором большинством в 562 голоса против семи было принято решение о создании Коммунистической партии Чехословакии. И когда в финале картины участники съезда поют «Интернационал», зритель вместе с героями сердечно разделяет торжество их победы.

Герои фильма — мужественный и закаленный в борьбе Тонда (арт. Я. Бен), потомственный кладненский горняк, прусский рыцарь Ванек (арт. Я. Пруха), горячий, пылкий Вацлав (арт. В. Бес-

сер), мужественная Маржа (арт. В. Храмовства), только что нашедшие свое место в жизни и борьбе народа Анча (арт. Э. Ироушкова) и Резина (арт. В. Фабианова) — стали близкими для нас людьми прежде всего по своему боевому духу, революционной непримиримости.

Политическим темпераментом, волнующей гражданской страстью художников, их большой и истинной любовью к своим героям — людям высокого революционного мужества — созданный фильм. И этот накал чувств объясняет нам, почему в картине так правдиво переданы дух, атмосфера событий, характеры героев, создан яркий образ боевого, свободолюбивого народа. Перед зрителем одна за другой встают картины силы народной: рабочие выступили на защиту несправедливо уволенной Миняриковой и победили; арестованных Тонду, Вацлава и других ведут в тюрьму, а женщины, проводив их, встают на их место и продолжают борьбу с угнетателями... Все это очень человеческие эпизоды, раскрывающие жизнь героев с разных ее сторон. Правдиво найденная авторами лирическая интонация произывает взаимоот-

несмотрели чужие глаза... Зритель чувствует, с какой внутренней дрожью идет Долеяла по коридору школы, боясь встретить мальчика — единственного свидетеля своего преступления. Только передан страх отца, опасавшегося, что сыну станет известно о преступлении. И как велико горе сына, узнавшего, что отец, увидевший его честности и доброту, оказался трусом и скрывает свое преступление...

Взаимоотношения отца и сына придают фильму наибольший драматизм и выразительность, именно в них раскрывается и общественное значение картины, вставая вопрос об истинной чести человека, о судьбе детей, о воспитании в молодом поколении только тогда вырастет здоровым и жизнеспособным, если оно будет воспитано честными и морально устойчивыми людьми. В фильме перед зрителем предстает жизнь во всей ее сложности и противоречивости. И трудно порою распознать, где начинается зло. За оборотливой улыбкой, за трудолюбивой и на первый взгляд вполне добродетельной секретарши (арт. И. Качиркова) не сразу разглядеть носительницу общественного зла. Добродетель же не обличена здесь в нарядные одежды; а придирчивой жене (арт. М. Башова) не сразу почувствуешь сердечного друга и мужественного человека.

В лагидарном и строгом стиле актерского исполнения этого фильма, в простых декорациях, операторской работе, в музыке, в безукоснительных мизансценах — во всем ощущается подлинное обаяние искусства, реалистического мастерства

К. ПАРАМОНОВА

Вместе со своими мужьями, братьями и сыновьями египетские женщины были в первых рядах защитников родной земли, отравлявших авиацию французских аггессоров. На снимке египетская девушка обучается обращаться с винтовкой.

Снимок из египетского журнала «Аль-Мусаввар»

посетившей в октябре Советский Союз, успевшей еще до начала боев возвратиться в Каир. На деле, однако, все обстояло иначе. Мы покинули Москву в понедельник 29 октября, утром. Нас провожали советские писатели, распрощавшиеся с нами тепло и сердечно. Вечером в тот же день мы прибыли в Копенгаген, где провели ночь.

Во вторник утром д-р Шауки Диаб, проф. Абд ар-Рахман ан-Шаркауи и я поспешили на аэродром. Мы пришли туда примерно за час до отлета самолета. Два других члена нашей делегации — Саид аль-Фриян и Али Ахмед Бакасири задержались в городе. На аэродроме нас, как громом, поразило известие о преступном нападении Израиля на нашу родину. Каирский аэродром, сообщивши нам, закрыт, но мы можем занять места в самолете, который вылетает через несколько минут по маршруту Афины — Бейрут — Багдад — Тегеран. Полиция не разрешила ждать наших отставших коллег. Мы решили лететь в Бейрут. Так вместо Каира мы очутились 30 октября в ливанской столице — Бейруте.

В египетском посольстве, где нам предложили убежище, мы день и ночь не отходили от радиоприемника, следя за сообщениями о полдней авантюры Англии, Франции и маршюнетки империализма Израиля. Мы рвались на родину, чтобы вместе с нашими героическими соотечественниками принять участие в битве. Но все наши усилия были безуспешными.

Мы заметили, что в Бейруте сталкиваются различные тенденции, плетутся интриги, направленные на ослабление арабского единства, особенно после того, как сюда в результате англо-франко-израильской агрессии перестала поступать египетская печать.

В Бейруте мы встретились со многими нашими коллегами — профессорами, писателями и журналистами, прибывшими сюда из всех уголков земного шара. Ведь Бейрут был единственным арабским городом, связанным с внешним миром. Мы быстро решили, что нам необходимо объединить свои усилия, чтобы наладить в Бейруте выпуск специального издания ведущей каирской газеты «Аль-Гумхурия».

С 6 по 17 ноября мы, несмотря на ограниченность наших возможностей, сумели выпустить в Бейруте 11 номеров газеты «Аль-Гумхурия». Газета призывала всех арабов стать на сторону Египта, отдать все силы борьбе с империализмом и сионизмом. Нам приходилось работать день

и ночь, чтобы отпечатать достаточное количество экземпляров газеты. Внешне скромная, но серьезная по содержанию, наша газета пользовалась огромным спросом. Наконец, в Египте был прекращен огонь. Это стало возможным благодаря героизму нашей армии, всего египетского народа, благодаря решительному советскому предупреждению агрессорам, предупреждению, значения которого никогда не забудет Египет, вся арабская нация. Эти действия Советского Союза вновь подтвердили, что он — истинный друг арабов, ибо он показал себя их другом в беде.

Вскоре стало известно, что иорданская авиационная компания возобновила сообщения между Амманом и Каиром. Я решил пересечь Сирийскую пустыню, чтобы попасть в Амман и сесть на самолет, направляющийся в Каир. Я повторил путь, который, как сообщает арабская история, совершил знаменитый воин Халед бен аль-Валид, с той разницей, что в это время пустыню пересекали на верблюдах, а же проделал это менее героически, проехав ее на автомобиле.

В Каир я прибыл только 24 ноября. Здесь я узнал, что члены нашей делегации, отставшие от нас в Копенгагене, добравшись на родину еще более сложным путем: на самолете до Рима, затем до Триполи, а оттуда на машинах — до Каира. Я не видел Каира в дни боев. Однако я ощущаю повсюду тот высокий патристический дух, который господствовал в те дни в нашей столице. Я слышу рассказы о героях, напоминающие мне то, что я слышал в Сталинграде о героических боях на Мамаевом кургане или о боях за «Дом Павлова». Я видел в Сталинграде ползая, без советские воины в плен фельдмаршала фон Паулюса, и мне хотелось бы, чтобы герои Порт-Саида таким же образом оборвали карьеру британского генерала Бейтана.

От героев, вернувшихся из Порт-Саида, я узнал, что враги не могли сломать сопротивление наших соотечественников в открытом бою. И если они нанесли нам некоторые потери в живой силе, то только благодаря хитрости и обману. Они, например, поднимали египетские флаги на своих танках. И когда наши юности выскакивали из укрытий, чтобы приветствовать эти танки, которые они принимали за египетские, их расстреливали из пушек. Но этот обман был вскоре разоблачен.

Быть может, я смогу выразить высокий дух, который господствовал в Каире в дни боев, предложив вниманию советского читателя рефрен песни, которая вырвалась из сердца молодого египетского поэта Бамала Абд аль-Халима в дни битвы. Этот рефрен, обращенный к врагу, у всех на устах:

Оставь мое небо, готовое съехать!
Оставь мой канал, готовый топнуть!
Берегись земли — острый молнии меч
Поднимает она, чтоб разбить!
О моя земля, здесь умер отец,
И завет его был таков:
«Дети мои, дети мои,
Уничтожьте наших врагов!»

Вместе со своими мужьями, братьями и сыновьями египетские женщины были в первых рядах защитников родной земли, отравлявших авиацию французских аггессоров. На снимке египетская девушка обучается обращаться с винтовкой.

Снимок из египетского журнала «Аль-Мусаввар»

посетившей в октябре Советский Союз, успевшей еще до начала боев возвратиться в Каир. На деле, однако, все обстояло иначе. Мы покинули Москву в понедельник 29 октября, утром. Нас провожали советские писатели, распрощавшиеся с нами тепло и сердечно. Вечером в тот же день мы прибыли в Копенгаген, где провели ночь.

Во вторник утром д-р Шауки Диаб, проф. Абд ар-Рахман ан-Шаркауи и я поспешили на аэродром. Мы пришли туда примерно за час до отлета самолета. Два других члена нашей делегации — Саид аль-Фриян и Али Ахмед Бакасири задержались в городе. На аэродроме нас, как громом, поразило известие о преступном нападении Израиля на нашу родину. Каирский аэродром, сообщивши нам, закрыт, но мы можем занять места в самолете, который вылетает через несколько минут по маршруту Афины — Бейрут — Багдад — Тегеран. Полиция не разрешила ждать наших отставших коллег. Мы решили лететь в Бейрут. Так вместо Каира мы очутились 30 октября в ливанской столице — Бейруте.

В египетском посольстве, где нам предложили убежище, мы день и ночь не отходили от радиоприемника, следя за сообщениями о полдней авантюры Англии, Франции и маршюнетки империализма Израиля. Мы рвались на родину, чтобы вместе с нашими героическими соотечественниками принять участие в битве. Но все наши усилия были безуспешными.

Мы заметили, что в Бейруте сталкиваются различные тенденции, плетутся интриги, направленные на ослабление арабского единства, особенно после того, как сюда в результате англо-франко-израильской агрессии перестала поступать египетская печать.

В Бейруте мы встретились со многими нашими коллегами — профессорами, писателями и журналистами, прибывшими сюда из всех уголков земного шара. Ведь Бейрут был единственным арабским городом, связанным с внешним миром. Мы быстро решили, что нам необходимо объединить свои усилия, чтобы наладить в Бейруте выпуск специального издания ведущей каирской газеты «Аль-Гумхурия».

С 6 по 17 ноября мы, несмотря на ограниченность наших возможностей, сумели выпустить в Бейруте 11 номеров газеты «Аль-Гумхурия». Газета призывала всех арабов стать на сторону Египта, отдать все силы борьбе с империализмом и сионизмом. Нам приходилось работать день

и ночь, чтобы отпечатать достаточное количество экземпляров газеты. Внешне скромная, но серьезная по содержанию, наша газета пользовалась огромным спросом. Наконец, в Египте был прекращен огонь. Это стало возможным благодаря героизму нашей армии, всего египетского народа, благодаря решительному советскому предупреждению агрессорам, предупреждению, значения которого никогда не забудет Египет, вся арабская нация. Эти действия Советского Союза вновь подтвердили, что он — истинный друг арабов, ибо он показал себя их другом в беде.

Вскоре стало известно, что иорданская авиационная компания возобновила сообщения между Амманом и Каиром. Я решил пересечь Сирийскую пустыню, чтобы попасть в Амман и сесть на самолет, направляющийся в Каир. Я повторил путь, который, как сообщает арабская история, совершил знаменитый воин Халед бен аль-Валид, с той разницей, что в это время пустыню пересекали на верблюдах, а же проделал это менее героически, проехав ее на автомобиле.

В Каир я прибыл только 24 ноября. Здесь я узнал, что члены нашей делегации, отставшие от нас в Копенгагене, добравшись на родину еще более сложным путем: на самолете до Рима, затем до Триполи, а оттуда на машинах — до Каира. Я не видел Каира в дни боев. Однако я ощущаю повсюду тот высокий патристический дух, который господствовал в те дни в нашей столице. Я слышу рассказы о героях, напоминающие мне то, что я слышал в Сталинграде о героических боях на Мамаевом кургане или о боях за «Дом Павлова». Я видел в Сталинграде ползая, без советские воины в плен фельдмаршала фон Паулюса, и мне хотелось бы, чтобы герои Порт-Саида таким же образом оборвали карьеру британского генерала Бейтана.

От героев, вернувшихся из Порт-Саида, я узнал, что враги не могли сломать сопротивление наших соотечественников в открытом бою. И если они нанесли нам некоторые потери в живой силе, то только благодаря хитрости и обману. Они, например, поднимали египетские флаги на своих танках. И когда наши юности выскакивали из укрытий, чтобы приветствовать эти танки, которые они принимали за египетские, их расстреливали из пушек. Но этот обман был вскоре разоблачен.

Быть может, я смогу выразить высокий дух, который господствовал в Каире в дни боев, предложив вниманию советского читателя рефрен песни, которая вырвалась из сердца молодого египетского поэта Бамала Абд аль-Халима в дни битвы. Этот рефрен, обращенный к врагу, у всех на устах:

Оставь мое небо, готовое съехать!
Оставь мой канал, готовый топнуть!
Берегись земли — острый молнии меч
Поднимает она, чтоб разбить!
О моя земля, здесь умер отец,
И завет его был таков:
«Дети мои, дети мои,
Уничтожьте наших врагов!»

ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОС

Есть имена, которые вызывают во французском народе печальные воспоминания. Одно из таких имен — Поль Рейно, «независимый республиканец».

В недавно вышедшей книге отставного гитлеровского генерала пехоты Курта фон Типпельскирха «История второй мировой войны» Полю Рейно посвящено несколько характерных для этого деятеля строк. Когда в июне 1940 года Франция потерпела поражение и гитлеровские армии достигли Луары в районе Тура, а гитлеровские танки стояли под Дижоном, — французское правительство, возглавляемое тогда Полем Рейно, обсуждало план объединения Франции и Англии в одно государство с общим правительством, общим гражданством и общим парламентом.

«Рейно сразу ухватился за спасительное средство объединения государств», — пишет Типпельскирх. Предложение Рейно было отвергнуто — ценной этой объединении должна была стать передача французского военного флота Англии.

Главнокомандующий Вейган требовал безоговорочной капитуляции. Рейно и Петэн его поддерживали. Правда, Рейно вскоре вышел в отставку, его заменил Лавалем, который вместе с Петэном и Вейганом завершил преступное дело — капитуляцию в Ретонде 25 июня 1940 года. Таким образом, имя Поля Рейно и его деятельность в один из самых

трагических моментов истории Франции не могут вызвать особых симпатий у французского народа. Отказ от суверенитета, согласие на исчезновение с карты Европы тысячелетнего государства, народ которого сделал так много для всечеловеческой культуры, — все это не делает чести Рейно, как не делает ему чести и то, что он вместе с Петэном поддержал требование Вейгана о безоговорочной капитуляции. И обращаясь к этому прошлому, вспоминая то, что происходило в трагические дни 1940 года, многие читатели журнала «Ревю де Пари», вероятно, с иронией (если не с отвращением) прочитают на днях статью Поля Рейно в этом журнале.

Сейчас Полю Рейно владеет воинственным духом, он считает «недостаточно энергичными» действия правительства Ги Молле, он недоволен тем, что французские и английские войска не пошли на Каир для изгнания Насера — организатора и вдохновителя «армии освобождения» в трех странах Северной Африки.

«Наш авторитет в глазах мировой общественности подорван», — горестно восклицает Поль Рейно. «Наша экономика стлаивается с большими затруднениями вследствие нехватки нефти и в результате необходимости платить за нее доллары».

Авторитет действительно подорван, и именно в глазах мировой общественности, но не потому, что французские и английские войска не пошли на Каир, а потому, что была совершена агрессия в отношении мирного египетского народа, совершенно нападением на мирную страну, разрушены города, погибли ни в чем не повинные люди. И скорбь Поля Рейно, что остановлена «победоносная армия Израэля в ее продвижении на Каир», рисует во всей красе образ этого бывшего государственного деятеля, «независимого республиканца». Воинственный пыл его очень отличается от его панического состояния в 1940 году, когда он бросался от «спасительного средства» — государственного слияния Франции и Англии — к безоговорочной капитуляции перед гитлеризмом.

Осенью 1956 года Поль Рейно полагал, что произойдет нечто вроде военной прогулки, маленькой молниеносной войны, в результате чего акционеры Суэцкого канала обретут прежнюю благополучие. Но силы мира оказались сильнее — старые колониальные методы воздействия с помощью орудийного огня и бомбардировочной авиации пробудили дух сопротивления, дух негодования у арабских народов, у «мира Бангунга», как именует Поль Рейно народы, борющиеся за независимость и свободу. Характерны рассуждения Рейно о затруднениях французской экономики, о том, что приходится платить доллары за американскую нефть. Он никак этого не ожидал. Не ожидал, что в результате нападения дешевой нефти, что народы Ближнего Востока пошатнут снабжение горючим самолетов, бомбавших Порт-Саид. Наконец, Полю Рейно не хочется платить за американский бензин.

«Дай бог, чтобы наш народ извлек из этого пользу», — лицемерно вздыхает Поль Рейно. Из чего же должен народ Франции извлекать пользу? Неужели из того, что в результате агрессии надо платить долларами за бензин? Нет, не из этого, разумеется. А из «серьезного и жестокого урока», то есть из того, что надо было, по мнению Рейно, довести дело до конца, «пойти на Каир для изгнания безжалостного врага Франции Насера». Можно подумать, что не англо-французские войска и флот совершили агрессию, а египтяне.

Помнится, весной этого года Рейно опубликовал в газете «Пари-пресс-Энтрэксжан» статью, в которой пытался доказать, будто СССР стремится с помощью арабских государств вытеснить Францию из Северной Африки. Неумная истерпанная легенда о «руке Москвы!» Державы-колониализаторы вынуждены убраться из своих прежних владений под напором национально-освободительных движений, и это вызывает у Рейно негодование и досаду, которые мы ощущаем, читая его нынешнюю статью в «Ревю де Пари».

Пусть господин Поль Рейно, так легко и просто согласившийся на утрату суверенитета Франции, на утрату гражданства французскими в 1940 году, не беспокоится о пользе для французского народа. Пусть эти мрачные призраки прошлого не напоминают о себе загробными голосами...

Л. НИКУЛИН

Сражение за Порт-Саид, несомненно, войдет в историю, как прекрасный пример силы духа, способного устоять перед силой железа и огня.

Город Порт-Саид, население которого не превышает 250 тысяч, почти изолирован от остальной Египта. Он окружен водой и связан с территорией страны лишь узкой дорогой, что затрудняет доставку в город солдат, военного снаряжения и продовольствия.

Английские и французские агрессоры сконцентрировали крупные сухопутные, морские и воздушные силы для нападения на Порт-Саид. В то же время Израэль сосредоточил многотысячную армию для наступления на Синайский полуостров. Англия, Франция и Израэль уловились, что их армии встретятся у Суэца 8 ноября, то есть через неделю после начала совместной агрессии. Иден заявил, что это не война, могущая создать угрозу миру во всем мире, а всего лишь «полицейская операция», которая будет проведена в течение нескольких дней или даже нескольких часов. Агрессоры-заговорщики были уверены, что Египет не сможет противостоять им.

Но Египет и, в частности, Порт-Саид опровергли все расчеты агрессоров. Интервенты вскоре убедились, что аваявавшиеся военные действия отнюдь не походят на «полицейскую операцию», в результате которой им останется только поделить добычу. Произошло это потому, что империалисты, готовя агрессию против Египта, не учли одного весьма важного фактора. Я имею в виду моральный фактор, побуждивший всех египтян сплотиться и защищать каждую пядь родной земли.

В мобилизации духовных сил народа большую роль сыграли деятели литературы и искусства Египта и других арабских стран. Театры отложили в сторону ранее шедшие у них пьесы, чтобы бесплатно показывать массовому зрителю героические пьесы из прошлого Египта и истории его борьбы против империализма. Среди них нужно назвать пьесу «Народная борьба» — о сопротивлении египтян армии Наполеона, вторгшейся в Египет в конце XVIII века, пьесу «Кровавый Данешвай», в которой рассказывается о кровавой расправе английских колонизаторов с египетскими феллахами в деревне Данешвай в 1906 году.

Газеты и журналы полны рассказами о героизме египетских патриотов. Вот женщина из Порт-Саида, сын которой пал жертвой агрессии. Сохранив стойкость и мужество, она внесла труп сына в дом, взяла его оружие и, выйдя на улицу, заявила его место в рядах бойцов. Она сражалась до тех пор, пока не пала мертвой.

Египетский сержант, дважды раненный в бедро, отказался покинуть свое оружие и отправился в госпиталь. Он стрелял, истекая кровью, до тех пор, пока его оружие и он сам не были уничтожены вражеским снарядом.

Вот египетский офицер и его сирийский солдат на торпедном катере атакуют известный французский военный корабль

«Жан Бар». Они оба погибли во время этой героической операции. Мужество и стойкость египтянам в неравном бою придает вера в то, что борьба, которую они ведут, — это борьба за свободу и независимость.

Стены домов в Каире и других египетских городах покрылись плакатами, призывавшими сражаться за родину, не жалеть жизни ради ее чести и свободы.

О высоком горении духа египетских патриотов свидетельствует один документ, который мне хочется привести здесь. Он написан не писателем и не художником. Его составила простая египетская женщина в виде обращения к Гамалю Абдель Насеру. Журнал «Аль-Мусаввар» поместил его. В нем, в частности, говорится:

«Я могу с гордостью сказать, что мои домашние и вся моя родня погибли в Порт-Саиде в славной битве за канал. Я плачу не потому, что печалюсь о них, но потому, что меня не было с ними в сражении, я не могла защитить мой любимый город и с честью погибнуть за правое дело.

Говорят, умерла умерла моя мать... А я говорю: нет, она жива, она — это Египет. Говорят, умер отец мой, а я говорю: нет, он жив — это Египет. Говорят, умерли братья мои, а я говорю: нет, они живы — живы в сынах Египта. Египет — моя мать, мой отец, мои братья и мои братья — это Египет. (Погибшие ради алаха не считаются мертвыми. Они живые у господ своего). Брат мой! В груди огонь, который сжигает сердце. Но это не огонь печали и слез. Нет, клянусь аллахом! Это огонь жажды битвы, ожидания Решительного момента. Считают ли Тираны себя победителями? На нашей стороне — правда, на их — ложь. Мы выставим правду против лжи, и правда отразит ложь, ложь, башую самообольщением. Привет тебе, Гамаль, вождь свободы! Привет тебе, Египет! Благородный славный народ! Привет тебе, мой любимый город, мой Порт-Саид, символ героизма и борьбы, могилы тиранов. Мир вам и победа Египту!

Женщина из Порт-Саида.

Мобилизации духовных сил, которая проводится средствами печати, театров, изобразительного искусства, кино, радио, по-прежнему уделяется большое внимание наряду с военной мобилизацией. Ибо мы знаем, что борьба не кончена.

Появление среди наших друзей таких могучих государств, как Советский Союз, народный Китай и другие страны, которые ненавидят империализм, отрезвило колонизаторов.

Будущее покажет, какой глубокий след оставит бесстрашная битва за Порт-Саид в литературе и искусстве. Надо думать, что в последующие годы наступит расцвет египетской литературы.

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

КАИР, декабрь

мероприятия, способные вызвать беспокорство в другой стране».

Наконец, Грубофлер выступил против той прессы и тех людей, которые «под предлогом права на свободное выражение мнений занимаются издевательствами и приносят вред политике нейтралитета Австрии».

Несомненно, эти слова были бы одобрены всей общественностью Австрии, если бы были доведены до широких кругов населения. Однако, кроме газеты австрийских коммунистов «Эстеррейхские фольксштимме», полные серьезного смысла и предостережения слова статс-секретаря опубликовала только газета «Винер дейтунг». Вся остальная печать замолчала их.

Это обстоятельство в высшей степени тревожно. Оно дополняется еще своеобразным поведением австрийского радио. Как раз в эти дни, когда все сознательные люди Венгрии прилагают огромные усилия к нормализации положения в стране, к ликвидации всеобщего хаоса, к возобновлению работы на промышленных предприятиях, в шахтах и на транспорте, австрийское радио пытается мешать этому выданными им спротивоположными определенными кругами сообщениями. Некоторые из этих сообщений напоминают директивы и расчеты скорее на венгерское, нежели на австрийское население.

Нужно подчеркнуть, что о прямом, оперативном вмешательстве австрийского радио в ход венгерских событий заботятся люди, которые под нашим американским были переведены из бывшего американского оккупационного радиоцентра на австрийское радио. Положить конец их действиям — таковы решительные требования защитников австрийского нейтралитета.

Михаэль ФЛОР

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

ВЕНА, 10 декабря. (По телефону)

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

По страницам зарубежных литературных изданий

РЕАЛИЗМ И КИТАЙСКАЯ КЛАССИКА

«Ваньбао». В одном из недавних номеров журнала «Ваньбао» (Литература и искусство) опубликована статья Лю Да-це «Проблема реализма в китайской классической литературе». Эта работа представляет собой отклик на статью Я. Эльсбергера «Реализм и антиреализм», опубликованную «Литературной газетой».

Автор полностью соглашается с мыслью Я. Эльсбергера о том, что реализм — это не просто правдивость в изображении жизни, существовавшая в той или иной степени в искусстве всех эпох, а конкретный художественный метод, складывавшийся лишь на определенном этапе развития литературы. Лю Да-це рассказывает, какой вред нанесло в Китае ошибочное и расширенное толкование термина «реализм». Здесь также существовала концепция «борьбы реализма и антиреализма», родившаяся из отожествления истории литературы с историей философии. В соответствии с этой концепцией вся история китайской литературы расчленялась некоторыми критиками на две половины «наподобие арбуза». При этом многие великие писатели оказывались зачисленными в разряд врагов реализма. Лю Да-це рассматривает этот «новый формализм», как очередной рецидив вульгарной социологии.

Другая сторона этой ошибочной тенденции состояла в том, что чить ли не все писатели превращались в реалистов «достойные произведения, естественно, нельзя было объявить нереалистическими». Отсюда само понятие «реализм» лишилось своего конкретного содержания и превратилось в своеобразное средство оценки литературных произведений. Титул «реалистический» в виде некоего поощрения, был распространен и на древнюю «Книгу Песен» (XI — VII вв. до н. э.), и на стихи Цюй Юаня (340 — 278 гг. до н. э.), и на народные песни эпохи Хань (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.), и на поэзию Ду Фу (712 — 770 гг.) и Бо Цзюй-и (772—846 гг.), и на роман XIV века «Речные заводи». Тем самым своеобразие этих писателей и произведений в значительной степени стиралось. Лю Да-це указывает, что реализм является самым передовым, но «отнюдь не единственным методом, с помощью которого можно отражать действительность».

Отвергая, как несостоятельные, попытки причислить Цюй Юаня и Ли Бо (701 — 762 гг.) к реалистам, Лю Да-це говорит о романтизме этих поэтов. Метод Цюй Юаня он называет «активным романтизмом».